

ВОСПОМИНАНИЯ ГЕОГРАФОВ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

УДК 94(47+57) "1941/45" + 82-94

Э.Л. Файбусович

ГОДЫ ЭВАКУАЦИИ НА УРАЛЕ

Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов, 191023, г. Санкт-Петербург, ул. Садовая, 21; e-mail: region@finec.ru

В статье известный отечественный ученый-географ, профессор Эрнест Львович Файбусович вспоминает о годах Великой Отечественной войны, которые он провел в эвакуации в разных поселениях на Урале, в т.ч. в г. Верещагино Пермского края.

Ключевые слова: эвакуация; Великая Отечественная война.

Публикация воспоминаний о детстве в годы войны преследует две цели: во-первых, мне хотелось показать формирование интереса к науке будущего профессионального географа, роль, которую в этом сыграли годы, проведенные на Урале. В известной мере я следую примеру Е.Н. Перцика, описавшего свои военные годы, проведенные в Кузбассе. Во-вторых, мне кажется, небезынтересными для читателя будут картины жизни в глубоком тылу, далеко от войны, как они запечатлелись в памяти ребенка. Я старался опираться только на собственные воспоминания без учета той информации, которой располагаю в настоящее время.

Еще с дошкольных лет я хотел стать географом. Географ должен много путешествовать, и первая, запомнившаяся мне, поездка состоялась в 1936 году, когда трехлетним мальчиком меня привезли в Тайцы (дачное место под Ленинградом). Последнее предвоенное путешествие произошло в канун войны, в мае 1941 года, когда мы навестили в Мурманске служившего там отца. Огромную роль в формировании моих географических представлений о родной стране сыграла вынужденная поездка на восток, растянувшаяся на четыре года.

Война началась для нас в жаркий июньский день в послеполуденное время в дачной Вырице. А уже через десять дней, второго июля, мы (мама, я и моя младшая сестра) покинули родной город в составе сформированного Ленгорздорово детского интерната. Поезд привез нас сначала в Ярославскую область, где мы пробыли до ноября 1941 года, там я впервые пошел в школу. Когда фашистская армия оказалась на подступах к Москве, было принято решение вывезти эвакуированных детей далеко на Восток. На большой узловой станции Данилов интернат погрузили в три теплушки. В этих вагонах с надписью «40 человек, 8 лошадей» везли в западном направлении красноармейцев на фронт, а в обратном направлении они же использовались для отправки эвакуированных. Сформировался очень длинный состав. В вагонах были установлены двухъярусные полки, на которых мы и проводили все время, а посередине вагона была печка. Для поддержания тепла взрослым и старшим воспитанникам приходилось во время остановок тащить все, что попало. Ехали без особых приключений, распевая только что сочиненную славной девочкой Аллой Шнирман на мотив из фильма «Золотой ключик» песню «Далеко-далеко мы едем, и сами не знаем куда...». Отметим Киров, первый город, в котором не было затемнения. Затем последовали Свердловск, длительная стоянка в Челябинске, где даже удалось прогуляться по вымороженным главным улицам города – Спартака и Цвиллинга. Далее был Курган и, наконец, небольшая станция и районный центр Варгаши. Там мы покинули опустылевшие вагоны. Выяснилось, что на этом путешествие не закончилось. Нам предстояла еще поездка на лошадаках на север района, в деревню Носково. Это около 40 км пути. В начале декабря 1941 года в Зауралье стояли сильные морозы, и нас задержали в райцентре, чтобы не поморозить детей при перевозке. Именно в эти дни мы узнали о первых победах Красной армии под Москвой и о начале войны на Тихом океане. Наконец морозы несколько ослабли, и нас доставили в пункт назначения. Там, в Зауралье, тогда это еще была Челябинская область, мы прожили до сентября 1942 года.

Для меня, горожанина по рождению и воспитанию, видящего природу в лучшем случае на даче, сельские поселения, их жители, окружающая действительность произвели незабываемое впечатление. Большая деревня Носково располагалась на абсолютно равнинной местности, почти безлесной, и разделялась на несколько частей озерами. Часть деревни к востоку от озера называлась «Сибирь», а к западу – «Россия».

В первую военную зиму жилось в этой деревне довольно сытно. Эвакуированные с детьми родители обменивали прихваченные с собой простыни и наволочки на продукты крестьянских хозяйств (на ягненка, коровью ногу, куриные яйца). Особенное впечатление производили заготовленные рачительными хозяевами и вынутые из мисок «полусферы» топленого масла или замороженного молока. Нам оно заменяло мороженое. Летом это прекрасное молоко можно было потреблять уже в естественном виде, или в качестве восхитительной по вкусу простокваши, или совершенно непонятной пахты. Хуже было с хлебом. Зерно вывозили всю зиму на элеватор в Варгаши. Поэтому летом приходилось собирать колоски, оставшиеся после уборки. Из этих зерен нам варили кашу. Попробовали мы там и кашу из отрубей. Картошка, овощи летом были в достаточном количестве, поэтому и местные жители, и интернатские дети не голодали. Достаточно было и пищи духовной. Мы учились в прекрасной школе, с хорошими учителями. Трудности были с тетрадками. Это был большой дефицит, и писать приходилось иногда на газетах. Поразительно богата была сельская библиотека. Именно там я познакомился с такими замечательными книгами, как «Занимательная минералогия» А.Е. Ферсмана и даже великолепно изданным на русском языке калмыцким эпосом «Джангар».

Летом жизнь осложнялась невероятным количеством комаров. Они плодились в упомянутых выше мелких тепловодных озерах и в несметных количествах нападали на людей и на улице, и в помещениях. В каждой избе на ночь ставили «дымокуры», старые чугунки, в которых тлел навоз. Только в таких условиях можно было заснуть.

Осенью 1942 года мама, по образованию юрист, устроилась на работу в коллегии адвокатов города Карабаш на западе Челябинской области. Собрав скудные пожитки, мы погрузились на телеги обоза, везущего хлеб нового урожая на элеватор в Варгаши. Точнее говоря, погрузили вещи и маленькую сестренку, мы же с мамой всю дорогу шли пешком. Грязь была страшная, и за первый день удалось проехать всего 20 км, после чего заночевали в деревне Барашково. На следующий день мы продолжили путь. Поход был очень трудным: на ногах у меня были ботинки, «просящие каши», и галоши, которые постоянно застревали в грязи. Приходилось снимать их, но тогда грязь проникала внутрь ботинок. Лишь последние семь километров я проехал с комфортом на грузовике, который вез зерно на элеватор. Там дождался маму и сестру, и мы вместе на поезде добрались до Челябинска, где к нам присоединилась эвакуированная туда бабушка.

Наконец, мы прибыли в Карабаш. Это уже был настоящий Урал. Город располагался в горах и в небольших углублениях между ними. Горы подступали прямо к двухэтажному дому, в котором мы жили. Очень хорошо было кататься на лыжах или санках с горки во двор своего дома. Горы вокруг были голые, точнее, они были покрыты сосновым лесом, но никакого подлеска под этими соснами не было. Тогда не существовало модного современного слова «экология», и мы не знали, что эта особенность ландшафта связана с работой расположенного в городе медеплавильного завода.

Зима 1942-43 годов в Карабаше запомнилась лютой и голодной в отличие от зимы в сравнительно богатой зауральской деревне. Трудно было и с топливом. Например, школа, в которой я учился, отапливалась торфяными брикетами. Торф заготавливался на берегу озера, а зимой мы, ученики 3-го класса, на саночках перевозили его в школу.

К марту 1943 года забрезжил свет близкой, как тогда казалось, победы. Закончилась Сталинградская битва, прорвана блокада Ленинграда, пора было перемещаться поближе к дому. Мама приняла решение покинуть Карабаш и переехать поближе к Ленинграду и Москве, где в то время служил отец. Отец приехал в отпуск и перевез нас на небольшую станцию Верещагино, тогда районный центр Молотовской области. Как казалось, ненадолго. В действительности верещагинский этап оказался самым длительным в нашей эвакуации, почти два с половиной года, с марта 1943 по август 1945 года. В Верещагино я приехал еще третьеклассником, а уезжал закончившим пятый класс.

Верещагино только во время войны, в 1942 году, стал городом, возник же как железнодорожная станция Очерская всего за полвека до этого при строительстве железной дороги. Станция находилась сравнительно недалеко от более старого заводского поселка Очер. Переименован был

город, как известно, в честь художника В.В. Верещагина. По железной дороге от Молотова (Перми) до него 140 км. На станции происходила заправка локомотивов водой и топливом.

Главным предприятием в городе было депо, где осуществлялся ремонт паровозов. Железнодорожники в те времена были самым привилегированным сословием в молодом городе, ведь от них зависело снабжение фронта оружием, производимым на уральских заводах. У них были сравнительно высокие продовольственные пайки. Город и ныне насчитывает около 25 тысяч жителей. Сколько было тогда, сказать трудно, так как, помимо коренного населения, здесь было много эвакуированных.

Планировка города была незамысловатой, по обе стороны железной дороги были прочерчены взаимно перпендикулярные прямые улицы. На одной стороне дороги главной была перпендикулярная к ней улица Ленина, а на другой – параллельная улица Сталина. По обе стороны было по одной средней школе, преобладала одноэтажная деревянная застройка, реже двухэтажная. Каменных зданий были единицы. Среди них клуб Октябрьской Революции (КОР) и школа, в которой я заканчивал пятый класс.

Вокруг города тянулись леса, в них летом собирали грибы. Среди них замечательные грузди и рыжики. Реже – красные, подберезовики и маслята. Зато было море сыроежек. Летом собранные грибы значительно пополняли наш рацион. Ягод было мало, преимущественно земляника. И только к августу появлялась лесная малина. Дальние походы мы с мамой боялись совершать, так как не умели пользоваться компасом в лесу. Но до ближайшей деревни Зайцы мы доходили.

Две стороны города соединял мост через железную дорогу. Это было самое замечательное место в городе. Именно с этого моста мы смотрели, как шли на запад эшелоны, груженные военной техникой. На открытых платформах везли артиллерийские орудия из Молотова (Перми), танки из Челябинска и Нижнего Тагила, самолеты и какие-то странные конструкции, закутанные брезентом. Как мы узнали позже, это были «Катюши». А в восточном направлении ехали те же самые платформы, нагруженные битыми, обожженными танками, нашими и немецкими. Их везли на переплавку на металлургические заводы Урала. На запад следовали и эшелоны с молодым пополнением в действующую армию, а на восток – поезда из вагонов-теплушек с пленными немцами. И тогда на станции из вагонов выгружали трупы.

Девятого мая 1945 года утром мы узнали об окончании войны, и наблюдать за железной дорогой стало еще интереснее: с фронта в тех же теплушках с распахнутыми дверями ехали на восток демобилизованные солдаты-победители. Весело играли гармошки и мало известные тогда аккордеоны, а несколько позже на восток же пошли и странные поезда, с закрытыми дверями теплушек. Товарищи рассказывали, что однажды они видели разгуливающими по перрону генералов с очень большими звездами на погонах. Три месяца спустя выяснилось, что воинские части перемещались на Дальний Восток для участия в заключительных сражениях Второй мировой войны против Японии. И по этой же дороге мы отправились «по вызову» в конце августа 1945 года в родной Ленинград.

Еще о топографии города, как она запомнилась мне. Центральным и наиболее посещаемым местом был базар, который находился сравнительно недалеко от нашего места жительства на Комсомольской улице. На этом базаре можно было купить некоторые виды овощей, иногда буханки хлеба непонятного происхождения. Кроме того, там продавались папиросы по пять рублей за штуку. Все равно, был ли это «Беломор» или присылаемые с оказией некурящим отцом «Дели» из офицерского пайка. Проданной пачки хватало почти на буханку хлеба. Продавалась и разная другая мелочь. Поэтому на базаре всегда было сравнительно многолюдно. Более того, утром Дня победы жители города почти все отправились на базар, единственное место, где можно было поделиться радостью. Это было нечто вроде стихийной демонстрации.

Жили мы на Комсомольской улице в солидном деревянном двухэтажном доме, который принадлежал Василию Александровичу Чалову, участнику Гражданской войны, чапаевцу. После войны он потерял зрение на лесозаготовках. Жил он тем, что привозил для реализации из Молотова те же папиросы и просиживал днями на базаре. Жена его, Федосья Федотовна Рахманова, была очень доброй женщиной, сочувствовала нам и старалась помочь, чем могла. Уже после переезда на другую квартиру, когда дома становилось очень голодно, мама отправляла меня в гости к Федотовне, которая поила меня кипятком из самовара с каким-то незатейливым угощением.

Через некоторое время мы переехали на другую сторону железной дороги, в дом на улице Сталина, где снимали комнату у Марии Васильевны. Она работала парикмахером и воспитывала

сына Юрку, чуть младше меня. Двор за забором был зеленым, с черемухой и сиренью. За домом находились огород и малинник. Воду нужно было таскать с родника, который находился под горкой, метрах в двухстах от дома. Водоснабжение возлагалось на меня, и нести ведро воды на такое расстояние было не так уж и легко, особенно летом, потому что по дороге гуляли выводки гусей, и гусыни с яростным шипением нападали на меня, а отбиваться было нечем. Муж Марии Васильевны был армейским фотографом на фронте. Уже после Дня победы на него пришла похоронка. Он погиб за несколько дней до падения Берлина.

Хотя самые тяжелые годы войны к моменту нашего переезда в Верещагино остались позади, но жизнь в маленьком городке была тяжелой. Основой питания было то, что мы получали по карточкам. Это было триста граммов хлеба в день и очень небольшое количество других продуктов. Среди них самой желанной была американская тушенка, преимущественно свиная. Я вспоминаю о ней с благодарностью, и только по одному этому не могу быть антиамериканцем. По ленд-лизу же поступали в наши желудки кокосовый жир, лярд (их выдавали в качестве жиров), вместо сахара могли дать пряники или даже дынное варенье из Нахичевани. А из местных продовольственных ресурсов можно было приобрести картофель и брюкву. Местное население употребляло летом т.н. «пистики» – хвощ. Даже голодными, этот продукт мы есть отказывались. Говорили, что это очень вкусная пища, если заправить их яйцами, но у нас таковых не было. Иногда мама покупала «чекушку» (0,25 литра) молока на двоих – нам с сестрой. Но можно было купить соевое молоко. Летом в киосках торговали каким-то подозрительным морсом или, что гораздо лучше, березовым соком. При таком скудном питании мы испытывали постоянное чувство голода. Правда, в школе каждый день выдавали дополнительно 50 граммов хлеба на завтрак, а в субботу – даже 100. Эти кусочки хлеба на большой перемене раздавали дежурные. Более всего ценились горбушки, и староста строго следила, чтобы горбушки раздавались каждый день другим, по очереди. Любопытный факт: этот кусочек хлеба с удовольствием съедали не только эвакуированные дети, но и учившаяся с нами дочь секретаря райкома партии.

Уже в 1945 году, когда наша армия пришла в Европу, офицерам разрешили посылать своим семьям посылки. Это случалось достаточно редко, и их получение являлось большим праздником. Мы всегда ожидали, что там будет что-нибудь съестное. Однажды выяснилось, что вся посылка состояла из кусков мыла. Я горестно пошутил: «Ну что ж, придется есть мыло...». Мама рассмеялась, но неожиданно ее смех превратился в страшную истерику. Мы очень долго ее успокаивали. Большие трудности возникали с хлебом. Его нужно было получать по карточкам, прикрепленным к определенному магазину. В большом зале магазина «Уралторг» нужно было выстоять в очереди несколько часов. И не всегда хлеб доставался тем, кто был в конце хвоста. При этом страшно было зазеваться и потерять свое место в очереди. Свирепые тетki тут же выставляли меня из очереди.

Был у меня еще один источник питания. Мама устроилась секретарем в промартель «Большевик», которая изготавливала детские ведерки, веревки, веревочные лапти – чуни и другие подобные изделия. Работникам и сотрудникам артели на обед выдавали чаще всего овсяный кисель, заправленный каким-нибудь растительным маслом, например льняным. Я каждый рабочий день навещал маму, чтоб разделить с ней ее трапезу.

Кроме полуголодного существования был еще один страшный враг – вшивость. С платяными вшами как-то удавалось бороться. Время от времени мама отправляла меня в санпропускник при железнодорожной станции, где вещи сдавались для «прожарки», пока человек мылся под горячим душем. Так и не удалось маме справиться с головными вшами, хотя мы с сестрой все время ходили остриженными наголо.

Меня в те годы удивляло, что в нашем городе жизнь текла размеренно и в целом, если не считать голода и вшивости, совсем как в мирное время. Ведь лозунг был «Все для фронта, все для победы». А мы учились в школе, при этом хорошо отапливаемой, сестра посещала детский сад, а когда она уже совсем отошала, ее подкормили в специальном детском саду с усиленным питанием. За всю войну мы не болели ни одной серьезной болезнью, если не считать детской кори у сестры. Нам регулярно делали прививки от сыпного, брюшного тифа и паратифа, делали реакции Манту и Пирке. В аптеках был какой-то набор лекарств, хотя бы стрептоцид, йод. Принимали врачи в поликлинике, работали библиотеки. Я посещал библиотеку райпарткабинета, где был почти единственным читателем. Читал там «Красную звезду», «Британский союзник» и другие газеты и журналы. Шли фильмы в двух кинотеатрах. В летнее время работал пионерский лагерь. Он находился недалеко от границы с Удмуртией, в десяти километрах от

железнодорожной станции Путино, на берегу небольшой речки Лысьвы. В лагере не было больших удобств (мыться ходили на речку), и всегда хотелось есть. При этом почему-то чаще всего кормили куриными яйцами.

Для детей офицеров руководством Уральского военного округа был организован круглогодичный, так сказать, дом отдыха. Я дважды побывал в этом лагере: осенью 1943 года и летом 1944 года. Путешествие в Лысьву, где этот дом отдыха располагался на берегу огромного заводского пруда, был довольно сложным. Сначала нужно было добираться поездом до Молотова, а потом с пересадкой в Калино до Лысьвы. Эти путешествия хорошо запомнились. Впервые после долгого перерыва я оказался в настоящем большом городе, где стояли большие каменные дома, где ходили трамваи. Большое впечатление произвела Кама. Лысьва запомнилась корпусами металлургического завода.

В последующие годы меня часто тянуло на Урал навестить места, где прошло мое военное детство. Удалось побывать в Кургане и даже в Варгашах, правда, попасть в Носково не смог, туда не ходил автобус. Не смог я попасть и в Карабаш, хотя был почти рядом, в Миассе. В 1964 году побывал в Верещагино, и даже встретился с учительницей, у которой учился в 4-м и 5-м классах. Неоднократно бывал в Перми и после 1964 года на различных конференциях и сохраняю до сих пор самые теплые чувства и к этому городу, сменившему свое имя, и к тому маленькому городку Верещагино, который приютил нашу семью в суровые годы войны.

E.L. Faybusovich

YEARS OF EVACUATION IN THE URALS REGION

In the article outstanding Russian scientist-geographer, Professor Ernest Lvovich Faybusovich remembers about the years of The Great Patriotic war, which he spent in evacuation in different settlements of the Urals region, particularly in town Vereschagino of Perm Krai.

К е y w o r d s : evacuation; the Great Patriotic war.